

В.И. Белов (1932)

Возродить в крестьянстве крестьянское

– Василий Иванович, недавно, как известно, в Москве состоялся IV съезд колхозников. Много вопросов было поднято на нем, в том числе и о развитии кооперации, демократии в деревне. С утверждением их в жизни крестьянин должен почувствовать себя хозяином, творцом. Что вы думаете по этому поводу?

– За последнее время совещаний, собраний, заседаний стало не меньше, а, пожалуй, больше. Почему – не знаю. Но съезд колхозников, мне кажется, все-таки событие нерядовое. Разговор ведь шел о кооперативах, крестьянской предприимчивости. Мы возвращаемся к идеям ленинского плана кооперации, к идеям А.В. Чаянова, других прогрессивных мыслителей. Только на этом пути, используя глубокую личную заинтересованность крестьянина в конечных результатах труда, мы сможем наконец избавиться от дефицита в продуктах питания.

Сельский житель обретает себя как творец только в предоставленной ему свободе действий. Когда не понукают, не поучают, как пахать, что сеять, и не стоят над душой с очередным указанием. Но свобода эта вовсе не свобода от земли. Земля – главная опора крестьянина. Это с достаточной убедительностью подтверждают коллективы, которые берут сейчас в аренду фермы, технику. Они уже появляются на Псковщине, в Новосибирской области, о чем говорили на съезде колхозников. Есть они и у нас на Вологодчине. Такой пример. В прошлом году в совхозе «Тотемский» звено шофера Валентина Творилова взяло арендный подряд в заброшенной дальней деревне. Людей не подгоняли ни директор, ни агроном, ни бригадир. И что же? В плохую погоду, когда через день лили дожди, восемь человек сумели заготовить столько отличного сена, сколько не под силу среднему по размерам колхозу. Вот она, цена самостоятельности на практике!

Далеко не все, конечно, принимают ее, эту самостоятельность. А кое-где еще пребывают и в неведении.

Недавно в одной из деревень произошел у меня разговор с двумя тамошними жителями. Спрашиваю: вот сейчас разрешается иметь приусадебный участок по пятьдесят соток – знаете об этом? Нет, отвечают, не знаем. Ну, а лошадь хотели бы иметь на подворье? Они говорят: так это же запрещено. Как-то запаздываем мы с разъяснением таких вот насущных изменений...

Проблема, впрочем, намного шире, глобальней. Если бы сейчас, предположим, ввели частную собственность на землю, то у меня на родине, мне думается, мало кто согласился бы взять ее. Выросли поколения, которым уже ничего не нужно – ни земля, ни животноводство, ни родной дом. А свобода действий без земли и дома – пустая, никчемная свобода.

Поэтому-то и важно развивать семейный и арендный подряд, всячески поощрять звенья, бригады, арендующие землю и считающие ее своей. Надо выискивать и всеми силами поддерживать людей, которые любят труд в полеводстве и животноводстве. Кстати, земля и животноводство неразрывно связаны. Их нельзя разделять.

Десятилетиями топчемся в том же молочном животноводстве вокруг двух тысяч килограммов молока от коровы. Такова продуктивность в Смоленской,

Брянской, Ивановской, Волгоградской, Саратовской, Оренбургской, некоторых других областях. Добрый же хозяин, если у него корова не дает по лету двух ведер молока в день, и держать-то ее не станет... Зачем зазря переводить корма?

– С переходом на самофинансирование, хозрасчет подобные перекосы устраняются, каждый впустую потраченный рубль уже бьет по собственному карману...

– Горько об этом говорить, но во многих хозяйствах сейчас нечем платить зарплату. Где взять деньги? Молока мало – его не хватает, чтобы покрыть все издержки. Надо ждать осени: откормят молодняк, уберут и продадут урожай – тогда появятся средства. А как быть до этого? Я боюсь, что люди вновь побегут в города и поселки, где можно ежемесячно получать твердую зарплату. Если вникнуть, то и винить их нельзя... Говоря о производственных кооперативах, чувствую, какие нелегкие заботы ждут сельских руководителей. О кооперации в деревне мы просто забыли. Многие вековые традиции крестьянства прерваны. Наша историческая наука умалчивает о том, что еще до революции в России была создана мощная кооперативная система. По опубликованным в печати данным, на 1 января 1917 года насчитывалось до 63 тысяч кооперативов, объединявших 24 миллиона членов-пайщиков.

Взять сибирские кооперативы. Они осуществляли грандиозные обороты, торговали с границей. У нас на Вологодчине первый кооператив возник в селе Ошта в начале века. Кооперативное движение имело народную основу, хотя правительство, естественно, тоже помогало. Был, к примеру, учрежден крестьянский банк. Крестьянин мог на льготных условиях взять кредит. Создавались маслоартели, мелиоративные организации, машинные товарищества. Опять же инициатива шла снизу, а не сверху. С 1921 по 1928 год число кооперативов резко увеличилось. В этот период ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составлял десять процентов. Если бы кооперативному движению не помешали «сверху», деревня легко, без натуги обеспечила бы страну не только продовольствием и сырьем для легкой промышленности, но и трудовыми ресурсами. Совершенно безболезненно стали бы высвободиться рабочие руки, необходимые для индустриализации. У нас же все случилось наоборот. Система кооперации была разрушена. Осталась лишь потребительская кооперация, существующая и поныне. Правда, она тоже изрядно обюрократилась и по существу выродилась, хотя и сыграла положительную роль в тридцатые годы и в Великую Отечественную войну. (Многие путают нынешнюю потребительскую кооперацию с производственно-сбытовой, которая существовала в двадцатые годы. Но это разные вещи.)...

– Видимо, пришло время осмыслить негативный опыт. Каково, на ваш взгляд, его происхождение? Как это отразилось на вековых традициях крестьянства?

– Хотел бы начать с того, что русофобия, которая то и дело проскальзывает в западной пропаганде, тесно связана с недоверием, а порой даже с ненавистью к русскому крестьянству. В нем они видят некий реакционный «слой». На мой взгляд, это явление имеет свои исторические корни. Я не о тех, кто нейтрален,

кто все понимает или даже с любовью (иногда излишней) относится к пахарю. Говорю о тех, кто его шельмует и ненавидит. А за что ненавидят?

Прежде всего за прошлое. Русский крестьянин был главной опорой огромного государства – в экономическом, военном, духовном, культурном смысле. После революции бойцов в Красную Армию рекрутировали из крестьянства, кадры для промышленности – тоже. В Великую Отечественную войну основные тяготы легли опять же на крестьянство. Не случайно А.В. Чапанов сравнивал крестьянство с Атлантом, на плечах которого держится все и вся. Эта могучая, неиссякаемая сила и вызывает кое у кого неприязнь. Так ли уж она неиссякаема? Не будем сейчас вспоминать цифры и факты, отметим лишь следующее: не любить крестьянство – значит не любить самого себя... Не понимать или унижать его – значит рубить сук, на котором сидим. Что, впрочем, мы нередко и делали.

Судьба наших кормильцев складывалась порою просто трагично. Не могу в связи с этим не коснуться Троцкого и его отношения к крестьянству. Троцкизм и крестьянство – тема в нашей исторической науке совершенно неразработанная. Вот и сейчас, во времена гласности, она не только не исследуется, но даже замалчивается. Исторические факты вопиют о том, что троцкизм был врагом государства, но в особенности – крестьянства. Это Троцкий и его компания выдвинули идею расказачивания крестьян на Дону. И осуществили ее, прибегая к репрессиям и расстрелам. Как не вспомнить Григория Мелехова из шолоховского «Тихого Дона»? Это самый трагический образ в советской литературе. Образ злободневный – сегодня он по-новому просветляет многие проблемы нашего государства...

Известно, что Троцкий выдвигал идею так называемых «трудармий». По своей сути идея эта была не нова. Она возникла еще при Александре I и воплощалась в форме военных поселений. (Идеологически обосновывал ее и проводил на практике известный в то время общественный деятель Сперанский.) По моему мнению, замыслы Троцкого восторжествовали после 1928 года. Непосильные налоги, займы, разгон кооперативов, изъятие у них средств и, наконец, репрессии, расстрелы, суды, выселения. Вот чем обернулся троцкизм для миллионов крестьянских семей! Об этом говорят сейчас и наши историки. Но историки не подсчитали, сколько погибло народу. А если и подсчитали, то не оглашают цифру. Репрессии же продолжались вплоть до Великой Отечественной войны – я располагаю документами и фактами. На мой взгляд, главным троцкистом являлся Сталин, хотя кое-кто из ученых делает вид, что он был антитроцкист. Сталин разгромил Троцкого организационно – убрал его как соперника личной власти. Но суть троцкизма Сталин и его окружение взяли на свое вооружение. Своих оригинальных идей по поводу крестьянства у Сталина не было. Он утвердил наркомом земледелия СССР Якова Аркадьевича Яковлева – человека далекого от сельского хозяйства, мало что в нем понимавшего. Другие руководители отрасли тоже были чужды крестьянству – смотрели на него как на реакционный класс. Потому под видом борьбы с кулачеством была уничтожена не только кооперация... Коллективизация, в ходе которой с успехом протаскивал свои идеи троцкизм, шла, разумеется, сверху. В результате – первая пятилетка была провалена, вскоре начался массовый голод. С тех пор и до сего дня мы испытываем нехватку продовольствия. И после войны, в 1946 году, люди у нас на Севере умирали от голода, от болезней, связанных с недоеданием. Я был тогда

мальчишкой, прекрасно помню: пришел к своему другу, а его мать, Вера Плетнева, лежит на печи мертвая – умерла от голода. Та же участь постигла и мать моего тезки, жившего в соседней деревне. Да и сами мы голодовали – семья большая, пятеро детей, отец погиб на Смоленщине в 1943 году. Помню, и моя бабушка умерла от недоедания. Люди ходили с опухшими ногами... Да и позже приходилось несладко. Что, скажем, в нашем колхозе выдавалось на трудодень? По пять копеек и двести граммов зерна. А зерна-то какого? Отходов, которые уже государство не принимало, – третий сорт. Несомненно, идеи троцкизма еще долго действовали.

– Ученым, специалистам предстоит еще немало поработать над изучением этих вопросов, документально внести в них полную ясность...

– В пятидесятых годах «раскрестьянивание» воплотилось в укрупнение колхозов. Это было вредным явлением – уничтожались лучшие коллективные хозяйства. В нашем Харовском районе на Вологодчине одним из крепких всегда считался колхоз «Нива». Даже в войну люди там не бедствовали. Но вот хозяйство укрупнили – оно стало протяженностью в 45 километров. И это в нашей-то лесной зоне, где контурность поля не превышала двух – трех гектаров! Что же вышло? «Нива» по сути завяла. Прекрасные земли запущены, зарастают лозой. Крепкие еще и поныне дома (надежно строили деда) гниют и пустуют...

Ну а потом начались кукурузная кампания, перегнойные горшочки, кролики и т.д. Взялись за различные реорганизации в руководстве. И, наконец, доплыли мы до неперспективных деревень. Я считаю, что люди, которые готовили, «протаскивали» идею неперспективности, преподносили ее правительству, должны понести государственную, административную ответственность. Это было преступление против крестьянства. У нас на Вологодчине из-за «неперспективности» прекратили существование несколько тысяч деревень. А по Северо-Западу – десятки тысяч. Вдумаемся: из 140 тысяч нечерноземных сел предполагалось оставить лишь 29 тысяч! Трагические потрясения, пережитые деревней за короткий исторический срок, не могли, конечно, не сказаться на духовном, нравственном устоях народа. Культура и нравственность немислимы без материальной основы. Земледельческая культура – тем более. Чему же удивляться, если ныне работать и жить на земле, заниматься крестьянским трудом считается неперспективным? Обидно сознавать это...

– Но жизнь, Василий Иванович, как известно, не стоит на месте, надо думать о том, как поднимать экономику деревни, возродить добрые традиции, укреплять ту же нравственность...

– Пахарю – истинному земледельцу – некогда было раньше пьянствовать, охотиться или играть в карты. Да и сама природа, труд на земле требовали от человека высокой нравственности. Каждый день – это неподражаемый день. Все менялось. Не было в году одинаковых дней. Все дни разные – погода разная, работа разная. Человек как бы срастался с землей, а через нее и с природой. Они завидели друг от друга. Все лишнее, ненужное в этой связи само собой отмирало.

Вот, например, отходничество. Им занимались лишь по жестокой необходимости – надо было платить подати, налоги. Мой отец Иван Федорович до самой войны ходил на заработки, а концы с концами не сводил – у нас не было даже сапог. Можно было бы с телянка шкуру снять да сшить ребятишкам сапоги. Однажды отец так и сделал: выделал шкуру – в бане висела. Так пришли, забрали. Как было жить? Хотел бы я услышать, что сказал бы на это иной «интеллигент», который недолюбливает крестьянство за его мнимую косность...

Крестьянские трудовые и культурные традиции являлись по существу общенародными. И сегодня не косность, а великую нравственную силу черпаем мы в народе. В то же время в колхозы нередко высылают из городов всякого рода рецидивистов и проституток – некому, мол, коров доить, пасти. Как это понимать? Где испортили девчонку, там бы и надо ее перевоспитывать. От таких новоявленных «животноводов» один вред...

Внедрение арендных форм на землю, фермы, технику – весьма интересное дело. Боюсь только, что желающих окажется недостаточно, так как промышленность выпускает одни могучие «Кировцы», которые давят на своем пути, как говорится, все – живое и мертвое. Неужели наша мощная индустрия не способна создать для сельского хозяйства малую технику? Ведь делает же она инструменты для рок-музыки, оснащает спорт и туризм. А житель деревни, как и сотни лет назад, вынужден косить косой, копать землю на огороде лопатой...

Говоря о традициях, хотелось бы обратить внимание на народные ярмарки. Когда-то существовали ярмарочные села. У нас в округе таким селом было Кумзеро. Вообще русская ярмарка – уникальное явление, но мы о ней уже позабыли. Она являлась формой не только экономического, но и культурного, духовного общения между людьми разных национальностей. Наверное, следовало бы возродить стихийные торговые ярмарки. А то вся жизнь у нас движется по административному плану: вот область, вот район – и все, дальше не лезь. Даже книжку, изданную в другом регионе, не купишь. Сегодня крестьянин все еще находится в дурацком положении – он «винтик». Десятки тысяч людей командуют колхозниками – от Москвы до районов. Давайте же дадим сельскому жителю земли в аренду, коли возьмет. Перестанем командовать. Увидим: положение через год – два изменится. И, конечно, в лучшую сторону. В крестьянине надо возродить крестьянское...

– Василий Иванович, в одной из ваших статей, опубликованных несколько лет назад в «Правде», говорилось о серьезном отставании строительства дорог на селе. Сейчас принята и выполняется широкая программа по ликвидации этого пробела. Но люди покидают насиженные «гнезда» и из-за многих других нерешенных социальных проблем...

– Из-за бездорожья мы теряем немыслимое количество продукции. Нет нужды называть цифры. Хочется особо подчеркнуть, что растрясем не только продукцию... Да, на развитие дорог Северо-Запада России, в том числе и Вологодчины, выделены немалые средства. Но дороги нужны не только к центральным усадьбам и деревням. Их надо вести к полям, фермам – именно там наиболее ощутимы потери. Сегодня тяжелые гусеницы сверхмощных машин ползают по земле и так, и сяк, мнут и корежат ее. Сколько прекрасных лугов и пастбищ испорчено техникой!

О социальных гранях говорить можно очень долго. Когда в духовно-нравственном смысле город противопоставляют деревне – это нелепость. Однако честно следует признать: по бытовому обустройству деревня сильно обижена. И в других смыслах – тоже. В восьмилетней школе у меня на родине уже несколько лет не преподается иностранный язык, хотя в области два педагогических вуза. Деревенские школьники поставлены в ущербное положение – ведь без знания иностранного ни один не поступит в высшее учебное заведение. А как с больницами, поликлиниками? Медпункт в нашей деревне то откроют, то закроют. До соседней же амбулатории – семь километров. Пошагай-ка с температурой...

Вместе с тем я далек от той мысли, будто нынешняя деревня должна полностью копировать городской быт. Напротив. Надо сохранить неповторимость жизненного уклада по регионам, сберечь все национальные бытовые особенности в республиках. Избежать стандарта, например в жилищном строительстве, не так уж и сложно. Достаточно предоставить человеку возможность самому строить свой дом. Обеспечь крестьянина материалами, дай ему ссуду. Тогда он и будет не временным, а постоянным работником на родной земле. Тот, кто не имеет своего дома, обычно и к земле относится по-казенному, равнодушно. Он становится квартирантом, наемным работником. Такой человек готов в любой день сорваться с места, уехать куда угодно. Что ему земля? Его ничто не держит на ней...

– Деревня существует не изолированно – связана с экономическим комплексом, в частности, русского Севера. В последнее время тут возникло немало экологических проблем. Как совместить хозяйствование с благополучием природы?

– Да, экологических забот на Севере поднакопилось. И ждать дальнейшего обострения ситуации преступно. Нужно срочно ставить диагноз, предвидеть хотя бы ближайшие последствия хозяйственной деятельности. Вот уже вокруг Харькова лесов стало больше, чем вокруг Вологды или Котласа... Тысячи кубометров бесхозного леса уносится в море, ложится на речное дно во время сплава. До 30–40 процентов древесной массы остается в делянках. Дело идет к гибели северных лесов. Как это скажется на жизни страны в широком смысле, трудно даже вообразить. Тундра уже соединилась с лесостепью. Зона тайги практически исчезает, и никто, как это ни странно, не видит в этом трагедии! Все делают вид, что так и должно быть. Полная безответственность, местническая, отраслевая...

Потому и болит душа. Во времена XV партсъезда и XVI партконференции такие лесозаготовки объявляли временными – вот, мол, создадим индустрию, так сразу и сократим вырубку. Не только не сократили, а увеличили в десятки раз. Лесная промышленность, к слову сказать, выкачала очень много сил из наших колхозов. Колхозников в тридцатых – сороковых годах обязывали рубить лес, причем без всякой оплаты. Люди месяцами не вылезали из делянок.

Сейчас вокруг моей деревни с трех сторон — пустынные вырубки.

А возьмем мелиораторов. Не говорю о постыдных проектах поворота северных и сибирских рек, за которые они в свое время так яростно цеплялись да и продолжают цепляться, не вспоминая о пресловутом плане перегородить Белое море. Минводхоз во главе со своим министром по-прежнему зарывает народные деньги в землю. Это не метафора. Ежегодно министерство

«осваивает» по десять миллиардов народных рублей, а велик ли толк? Во многих хозяйствах урожайность мелиорированного гектара ниже, чем до мелиорации... У такого, с позволения сказать, хозяйствования есть и еще один минус – оно снижает нравственный уровень личности. Бюрократ особым талантом и высокой нравственностью обычно не обладает. Но ведь у нас много настоящих, талантливых хозяйственников. Они и страдают больше всего от бюрократов вышестоящих, да и нижестоящих тоже. Более подробно об этом я говорю в статье, отданной в редакцию «Нового мира».

– В последние годы все чаще при недородах, снижении продуктивности животноводства в качестве оправдания кое-кем выдвигается такой тезис: мол, природа обделила нашу землю и плодородием, и условиями хозяйствования... Справедливы ли эти упрёки?

– Природа ни при чем.... Страна издавна славилась высокими урожаями зерновых, широко развитыми маслodelием, сыроделием, пчеловодством... А сколько – и не в так уж давние времена – мы заготавливали рыбы, грибов, ягод, орехов? Теперь же говорим почему-то о скудности нашей природы. Еще не так давно господствовало мнение, что сельское хозяйство – это для государства нечто второстепенное. Думать так – по меньшей мере глупо. Возьмем США. Национальный доход там создается во многом за счет сельского хозяйства. Нельзя бесконечно производить средства производства для того, чтобы снова производить... средства производства. Много тут и других нюансов. Не помню, кто из наших экономистов сказал, что экономика имеет национальное своеобразие. Да, это именно так. Во Франции, например, свои особенности, в Японии – свои. Почему мы должны обязательно кому-то подражать? У нас своя стихия, свой национальный характер. Российский крестьянин не похож на немецкого фермера, японский – на американского. Все они разные. Нашим экономистам надо бы побольше считаться и с особенностями того или иного региона внутри страны. Одно дело, допустим, крестьянин на юге, он, может быть, больше любит сам торговать своими продуктами. Совершенно другое дело – наш северянин: этот явно торговлю недолюбливает. Как-то на днях, будучи в деревне, узнал, что жители наловили очень много речной рыбы. Пироги пекут, уху варят. А остальное-то куда девать? Предлагаю: свезите на рынок в Вологду. Рыбу да еще свежую оторвут с руками. Куда там... Ловить для них значительно интересней, чем торговать. Пожалуй, одни бюрократы везде одинаковы. Хотя, может быть, русский бюрократ чем-то и отличается, например, от английского... А если серьезно, то сейчас подошло время больших дел. Откладывать их дальше некуда.

Правда. 1988. 15 апреля